
**ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
РАЗНОВЕКТОРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**
(Всероссийская научная конференция с международным участием)

© 2022 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 16.07.2022 г.

Аннотация. 9 июня 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Европейский конституционализм: разноректорные тенденции». На конференции был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с восприятием европейских конституционных идей в России и их влиянием на правовые системы незападных стран, современными конституционными реформами, функционированием института конституционного контроля и обеспечением прав и свобод человека. В ее работе приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама.

Ключевые слова: конституционализм, конституционные реформы, конституционная идентичность, конституционные ценности, конституционный контроль, права человека, европейская интеграция, многоуровневое правление.

Цитирование: Варламова Н.В., Васильева Т.А. Европейский конституционализм: разноректорные тенденции (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2022. № 10. С. 205–214.

DOI: 10.31857/S102694520022610-2

EUROPEAN CONSTITUTIONALISM: DIVERGENT TRENDS
(All-Russian scientific Conference with international participation)

© 2022 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

*E-mail: varlam_n@list.ru

**E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 16.07.2022

Abstract. All-Russian scientific Conference with international participation “European Constitutionalism: Divergent Trends” was held on the 9 of June 2022 in the Institute of State and Law of RAS. The conference addressed a wide range of problems related to the perception of European constitutional ideas in Russia and their influence on the legal systems of non-western countries, modern constitutional reforms, the functioning of the institution of constitutional review and ensuring of human rights and freedoms. It was attended by representatives of leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus, Kazakhstan and Vietnam.

Key words: constitutionalism, constitutional reforms, constitutional identity, constitutional values, constitutional review, human rights, European integration, multilevel governance.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2022). European constitutionalism: divergent trends (All-Russian scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 205–214.

9 июня 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Европейский конституционализм: разновекторные тенденции», организованная совместно с международно-правовым факультетом МГИМО МИД России. В работе конференции приняли участие представители ведущих российских научных и учебных учреждений – Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), НИУ «Высшая школа экономики», Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, исследователи из Беларуси, Казахстана, Вьетнама.

Конференцию открыл директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков, который отметил актуальность темы данного мероприятия и обоснованность выбора партнера по ее проведению. В МГИМО традиционно развиваются страноведческие исследования, и активное участие в конференции таких специалистов позволяет вести заинтересованный диалог на высоком профессиональном уровне. А.Н. Савенков призвал участников дискуссии не концентрировать внимание на прошлых достижениях, а обсудить современные проблемы и возможные пути их решения.

На конференции были затронуты *исторические аспекты становления конституционализма*. Как указал канд. юрид. наук, доц. Н.Ю. Молчаков (МГИМО МИД России), история сегодня становится объектом конституционно-правового регулирования. Все чаще встречающаяся в конституционных текстах апелляция к историческому прошлому требует юридического осмысления. В последнее время это приобретает особую актуальность в связи с обсуждением во многих странах проблемы идентичности правопорядка, которая неразрывно связана с его историческим становлением. В конституциях можно увидеть немало отсылок к историческим событиям. При этом соответствующие положения закрепляются и в тех разделах конституций, которые могут стать предметом конституционного контроля.

В нашей стране определенным импульсом для осуществления исследований в данной сфере стало закрепление в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ положений о России как правопреемнике СССР на своей территории, а также правопреемнике (правопродолжателе) Союза ССР в международных отношениях. Осмысление содержания понятий правопреемства и правопродолжательства в конституционно-правовом аспекте и их разграничение в конституционной практике – одна из новых задач российской конституционно-правовой доктрины.

Влияние европейских традиций конституционализма на планы реформ П.А. Столыпина проанализировала д-р юрид. наук, проф. Л.Е. Лаптева (РАНХиГС при Президенте РФ). П.А. Столыпин придерживался более умеренного направления европейского конституционализма XIX в., которое следовало традициям Пруссии, воплощенной в Конституции Германской империи 1871 г. Он полагал, что демократические формы ограничения власти монарха не смогут сдерживать анархии, но при этом активно ратовал за «правильно поставленное» образование народа, считая это важным средством профилактики революции. П.А. Столыпин самым последовательным и решительным образом настаивал на формировании не просто массового крестьянина-собственника, но образованного гражданина, в котором видел основу местного самоуправления в империи.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.Е. Постникова (ИЗиСП при Правительстве РФ) отмечалось, что *исходной точкой современной трансформации конституционного строя России явился отказ от советской модели организации власти*. В первые годы демократического развития страны, с начала работы Съездов народных депутатов и Верховных советов СССР и РСФСР (1989–1993 гг.) и вплоть до принятия Конституции РФ, признавался определенный потенциал использования институтов советской государственности и высказывалась идея постепенного, преемственного конституционного развития страны. Однако в 1993 г. произошли формационные изменения конституционного строя. Они были закреплены конституционными положениями, которые в значительной мере не были основаны на имеющейся практике государственного строительства и правоприменения и являлись моделями будущего развития страны. Не случайно при конструировании конституционных принципов и норм во многом опирались на конституционный опыт зарубежных государств, и прежде всего на концепции европейского конституционализма, получившие концентрированное выражение в нормах международного права, решениях Европейского Суда по правам человека, резолюциях Венецианской комиссии.

В прошедшие три десятилетия постсоветского развития происходило укоренение этих принципов и норм в российскую правовую систему. В качестве консервативной составляющей этих трансформационных процессов выступали ранее сформированные традиции и опыт государственного управления и правоприменения, сложившаяся правовая культура населения, государственных служащих и юристов. При этом далеко не всегда конституционные принципы развивались в русле европейского конституционализма. В результате конституционно-правового развития страны произошла фактическая модификация конституционных норм, получившая системное выражение в конституционной реформе 2020 года, где основной акцент был сделан на формирование российской конституционной идентичности. Глубина этих процессов обуславливает необходимость принятия конституционно значимых решений в рамках протекающего масштабного обновления законодательства на основе публичных дискуссий, а также их тщательного экспертного обоснования, в том числе с учетом опыта европейского конституционализма.

Выступления многих участников были посвящены *«европейскому измерению» конституционализма и влиянию европейской интеграции на конституционное устройство вовлеченных в нее стран*.

Роль Европейской конвенции по правам человека в создании основ панъевропейского конституционализма проанализировал д-р юрид. наук, проф. А.И. Ковлер (ИЗиСП при Правительстве РФ). Он связал концепцию панъевропейской конституции с вынашиваемой веками идеей «единой Европы». Существенный вклад в ее развитие внесли сторонники федерализации Европы, выступившие с первыми инициативами еще в начале 1930-х годов и представившие в 1948 г. проект Конституции Европы без границ с общими органами власти, едиными гражданством и валютой.

Неудача с принятием в 2004 г. Европейской конституции побудила институты ЕС обратиться к идее использования Европейской конвенции по правам человека в качестве основы новой конституции. В Конвенцию было даже включено положение о возможности присоединения к ней Европейского Союза (ч. 2 ст. 59). Европейский Суд по правам человека в некоторых своих решениях признавал роль

Конвенции как элемента европейского публичного порядка¹, однако ни сам Суд, ни серьезные исследователи не рассматривают Конвенцию как некую «теневую конституцию Европы» в связи с отсутствием для этого объективных оснований.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасова (ИГП РАН)** отмечалось, что *в государствах – членах Европейского Союза сложилась система многоуровневого правления, в рамках которой различные уровни власти – наднациональный, национальный и субнациональный – становятся все более зависимыми друг от друга при отсутствии однозначного доминирования какого-либо властного уровня или института.* Многоуровневое правление выступает важнейшим проявлением конституционализации Европейского Союза. Во-первых, оно ограничивает полномочия Союза и государств-членов, а во-вторых, расширяет роль субнациональных сообществ. Кроме того, многоуровневое правление способствует развитию демократии в Европейском Союзе посредством вовлечения территориальных властей, а также разнообразных неправительственных структур, связанных с гражданским обществом, в процесс принятия решений на уровне ЕС. Функциональными характеристиками складывающейся сетевой структуры управления являются взаимозависимость, координация и разнообразие участников. Отношения между различными звеньями многоуровневого правления представляют собой достаточно гибкую и динамичную комбинацию сотрудничества, состязательности и контроля в целях достижения консенсуса по важнейшим вопросам и предотвращения конфликтов между государствами – членами ЕС.

К *проблеме понимания европейской и национальной идентичности в практике Суда ЕС* обратилась **д-р юрид. наук, доц. Т.А. Васильева (ИГП РАН)**. Национальная (конституционная) идентичность – одна из наиболее актуальных и востребованных сегодня концепций. После вступления в силу Договора о Европейском Союзе в редакции Лиссабонского договора² увеличилось число обращений в Суд ЕС, в которых государства – члены Союза обосновывали свои действия, исходя из концепции национальной идентичности. Суд ЕС признавал неправомерной такую постановку вопроса либо констатировал, что поднятый вопрос можно рассматривать в контексте национальной идентичности, однако не раскрывал содержание этого понятия.

В ряде решений, принятых в 2022 г.³, Суд ЕС сформулировал правовые позиции, выражающие его представления о соотношении европейской и национальной

идентичности. Европейская идентичность как основа правопорядка ЕС включает в себя основополагающие принципы права Союза. Суд ЕС уважает национальную идентичность государств – членов Союза, если она не вступает в противоречие с основами правопорядка Союза, которые не могут трактоваться различным образом на территории ЕС. В качестве национальной идентичности могут рассматриваться только вопросы, выходящие на фундаментальные принципы конституционного права государств – членов Союза, а не любые вопросы, закрепленные в национальных учредительных актах. Конституционные суды государств – членов ЕС не могут принимать решения о неприменении положений права ЕС, если они вступают в противоречие с их национальной (конституционной) идентичностью. В таких случаях необходимо обратиться в Суд ЕС, который может санкционировать отступление от вторичного права, но не от учредительных актов Союза.

Влияние механизмов защиты основополагающих ценностей Европейского Союза на конституционный правопорядок государств-членов исследовала **Я.И. Лебедева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Она отметила, что вмешательство институтов ЕС, связанное с защитой соответствующих ценностей, носит разнонаправленный характер. Используемые для этого механизмы не отличаются эффективностью и продуманностью. Подчас под лозунгом защиты европейских ценностей институты ЕС вторгаются в конституционный правопорядок, подрывая социальный мир, политическое равновесие и препятствуя конституционной эволюции даже в тех государствах-членах, которые являются «старыми демократиями». Новый механизм обусловленности верховенством права позволяет лишать отдельные государства-члены значительных ассигнований из бюджета Союза. Практическая реализация этого механизма может как оказать заметное влияние на будущую конфигурацию Европейского Союза, так и стать очередным «холостым патроном» в обиходе уже существующих инструментов.

Спор о конституционных ценностях между Конституционным трибуналом Польши и институтами Совета Европы и ЕС проанализировала **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехарина (ИГП РАН)**. В 2021–2022 гг. была вынесена целая серия решений Европейского Суда по правам человека о нарушениях Польшей Европейской конвенции и решений Суда ЕС о несовместимости польского законодательства с законодательством Европейского Союза. В этих решениях было выражено сомнение в правомерности создания и функционирования Национального судебного совета⁴, Дисциплинарной палаты⁵ и Палаты чрезвычайного контроля и по связям с общественностью⁶ в рамках Верховного суда, статуса судей, делегированных Министром юстиции в состав этих органов, а также инициирования дел о дисциплинарной ответственности судей Министром юстиции,

¹ См.: ECtHR. *Loizidou v. Turkey*. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995 (preliminary objections). Series A. No. 310. Paras. 75, 93; *Cyprus v. Turkey*. Application no. 25781/94. Judgment of 10 May 2001. Para. 78; *Banković and Others v. Belgium and 16 other Contracting States*. Application no. 52207/99. Decision of 12 December 2001. Para. 80.

² См.: Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed in Lisbon, 13 December 2007 // OJ. C306. Vol. 50. 17 December 2007. P. 1–271.

³ См.: См.: CJEU. Full Court. Case C-156/21 *Hungary v European Parliament and Council of the European Union*. Judgment of 16 February 2022; Case C-157/21 *Republic of Poland v European Parliament and Council of the European Union*. Judgment of 16 February 2022; Grand Chamber. Case C-430/21 *Proceedings brought by RS*. Request for a preliminary ruling from the Curtea de Apel Craiova. Judgment of 22 February 2022.

⁴ См.: ECtHR. *Grzęda v. Poland*. Application no. 43572/18. Judgment of 15 March 2022; CJEU. Grand Chamber. Case C-487/19 *Proceedings brought by W.Ż.* Request for a preliminary ruling from the Sąd Najwyższy. Judgment of 6 October 2021.

⁵ См.: ECtHR. *Reczkowicz v. Poland*. Application no. 43447/19. Judgment of 22 November 2021; CJEU. Grand Chamber. Case C-791/19 *European Commission v. Republic of Poland*. Judgment of 15 July 2021.

⁶ См.: ECtHR. *Dolińska-Ficek and Ozimek v. Poland*. Applications no. 49868/19 and 57511/19. Judgment of 8 November 2021.

являющимся одновременно Генеральным прокурором⁷. Европейский Суд по правам человека признал, что Конституционный трибунал Польши имеет «дефектный» состав в связи с включением в него т.н. двойных судей, появившихся в результате незаконного назначения в 2015 г.⁸

В свою очередь, Конституционный трибунал в решении от 7 октября 2021 г. заявил о примате Конституции Польши над Договором о ЕС и его несоответствии Конституции⁹, а в решении от 24 ноября 2021 г. – о несоответствии Конституции п. 1 ст. 6 Европейской конвенции в той мере, в какой используемое в ней понятие суда включает Конституционный трибунал¹⁰.

Под угрозой наступления финансовой ответственности в связи с несоблюдением основополагающего для ЕС принципа верховенства права¹¹ Сейм Польши 9 июня 2022 г. внес изменения в Закон о Верховном суде Польши, предусматривающие ликвидацию Дисциплинарной палаты и создание вместо нее Палаты профессиональной ответственности¹². Несмотря на то что в начале июня 2022 г. Европейский Союз подтвердил план национальной реконструкции Польши, от государства требуют предоставить доказательства независимости и беспристрастности суда и проведение соответствующих реформ.

Доклад **В.И. Загретдинова (МГУ им. М.В. Ломоносова)** был посвящен механизму обусловленности верховенством права в Европейском Союзе. В решениях от 16 февраля 2022 г. по поводу оспаривания Венгрией и Польшей Регламента об общем режиме обусловленности для защиты бюджета Союза от 16 декабря 2020 г.¹³ Суд ЕС сформировал правовые позиции об отделении данного механизма от предусмотренного ст. 7 Договора о ЕС, а также о понимании европейской конституционной идентичности. По мнению докладчика, ни механизм обусловленности, ни правовые позиции Суда ЕС не достигли целей обеспечения верховенства права. Европейские институты по-прежнему устраняются от решения назревших в Восточной Европе проблем. Конституционно-правовая практика, связанная с обеспечением принципа

верховенства права, актуализирует осуществление реформ в ЕС.

Тенденции, присущие аналитической деятельности Венецианской комиссии в сфере организации и осуществления судебной власти, были рассмотрены в докладе **канд. юрид. наук Е.А. Фокина (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Судебные реформы в современном мире проводятся повсеместно, а преобразования судебных систем затрагивают конституционные основы государств, поэтому аналитические исследования Венецианской комиссии в данной сфере весьма актуальны и востребованы. Можно выделить четыре основные присущие им тенденции: расширение сравнительно-правового анализа, не всегда характеризующегося системностью методологических оснований; актуализация вопроса о конкретном предмете исследования (законопроект, закон, закон и практика его применения); обращение к практике Европейского Суда по правам человека, что обусловило необходимость совершенствования форм сотрудничества с ним и иными органами международного правосудия; стремление к минимизации политического воздействия на деятельность Комиссии. В выступлении было также обращено внимание на влияние аналитической деятельности Венецианской комиссии на российскую конституционную доктрину.

Активизировавшаяся в последнее время *дискуссия о соотношении международного и внутреннего права* была проанализирована в докладе **д-ра юрид. наук, проф. А.В. Карташкина (ИГП РАН)**. Эта проблема, подчеркнул он, не носит чисто юридический характер и не имеет однозначного решения. Соотношение международного и внутреннего права определяется различными факторами, во многом зависит от геополитической обстановки в мире и взаимоотношений между великими державами. Исторически господствовало представление о верховенстве национального права, по мере развития международных отношений стала преобладать дуалистическая модель, после принятия Устава ООН многие ученые высказывались в пользу верховенства международного права. В настоящее время снова начинает доминировать точка зрения о приоритете внутреннего права. Вместе с тем конституции ряда европейских стран провозглашают приоритет международного права над внутренним законодательством.

Конституция РФ закрепляет, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются положения международного договора. Однако в последние годы все большее число российских ученых настаивают на приоритете российского права над международным, основываясь на ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, провозглашающей высшую юридическую силу Конституции, ее прямое действие и применение на всей территории страны. Но, несмотря на различные доктринальные представления о соотношении международного и внутреннего права, все государства обязаны соблюдать Устав ООН, общепризнанные принципы международного права и взятые на себя международные договорные обязательства.

На *развитии международного права прав человека и его влияния на понимание источников международного права и их применение в конституционных правовых порядках* акцентировала внимание **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Она отметила диверсификацию источников международного права, которые не сводятся к международным договорам. Национальные суды, в том числе и конституционные, при принятии решений учитывают не

⁷ См.: ECtHR. *Grzęda v. Poland*. Application no. 43572/18. Judgment of 15 March 2022.

⁸ См.: ECtHR. *Xero Flor w Polsce sp.z.o.o. v. Poland*. Application no. 4907/18. Judgment of 7 May 2021.

⁹ См.: Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 7 października 2021 r. Sygn. akt K 3/21 // Dziennik Ustaw. 2021. Poz. 1852. Английский перевод см.: Assessment of the conformity to the Polish Constitution of selected provisions of the Treaty on European Union. URL: <https://web.archive.org/web/20211010084048/https://trybunal.gov.pl/en/hearings/judgments/art/11662-ocena-zgodnosci-z-konstytucja-gr-wybranych-przepisow-traktatu-o-unii-europejskiej> (дата обращения: 12.07.2022).

¹⁰ См.: Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 24 listopada 2021 r. Sygn. akt K 6/21 // Dziennik Ustaw. 2021. Poz. 2161.

¹¹ См.: CJEU. Full Court. Case C-157/21 Republic of Poland v European Parliament and Council of the European Union. Judgment of 16 February 2022.

¹² См.: Ustawa z dnia 9 czerwca 2022 r. o zmianie ustawy o Sądzie Najwyższym oraz niektórych innych ustaw // Dziennik Ustaw. 2022. Poz. 1259.

¹³ См.: Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ. L 4331. Vol. 63. 22 December 2020. P. 1–10.

только положения заключенных страной международных договоров, но и общепризнанные принципы и нормы международного права и международное право прав человека, а также возможности регулятивного воздействия международного *hard law* и *soft law* на национальное право.

Обновление европейской социальной модели в условиях проявления новых глобальных тенденций на европейских рынках труда рассмотрела канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотова (ИГП РАН). К числу таковых она отнесла рост мобильности рабочей силы, возникновения новых видов занятости, доступности технических инноваций. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., миграционный кризис, Брекзит и пандемия COVID-19 показали, что европейская интеграция невозможна без согласования задач обеспечения экономического роста и социальной справедливости. В 2017 г. в Европейском Союзе была провозглашена Европейская опора социальных прав¹⁴, предусматривающая 20 принципов в области равных возможностей и доступа к рынку труда, справедливых условий труда, а также социальной защиты и социальной инклюзии. В 2021 г. был разработан План действий по ее реализации¹⁵.

В соответствии с принципами, обозначенными в Европейской опоре социальных прав, были приняты две директивы. Директива о соблюдении баланса между трудовой и семейной жизнью¹⁶ определяла базовые правила предоставления и оплаты любому из родителей отпуска по уходу за ребенком, гибкого графика работы после рождения ребенка, продолжительности и условий оплаты отпуска по уходу за больным членом семьи. Директива о прозрачности и предсказуемости условий труда¹⁷ предусматривала минимальные стандарты ясности и информированности работников по поводу условий их труда, включая занятых по нетипичным формам трудовых контрактов. Проходит процедуру утверждения Директива о надлежащей минимальной заработной плате¹⁸, предписывающая установление связи заработной платы с показателями экономического роста в каждом государстве – члене Союза и распространение этих стандартов на всех работников без исключения. Значимой социальной инициативой является предложение о разработке Директивы об улучшении условий труда

работников цифровой сферы¹⁹, цель которой – повышение защищенности трудовых прав лиц, предоставляющих свои услуги онлайн на цифровых рабочих платформах.

Доклад канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН) был посвящен обеспечению запрета дискриминации по признаку возраста в праве ЕС. Запрет дискриминации по данному основанию нашел отражение в праве Европейского Союза сравнительно недавно и относится ко второму поколению прав на равное обращение. В настоящее время дискриминация по признаку возраста запрещена как первичным²⁰, так и вторичным²¹ правом Союза. Установление минимальных стандартов защиты в данной сфере привело к позитивным реформам на национальном уровне.

Принятие Директивы 2000/78/ЕС, устанавливающей общие рамки для обеспечения равного обращения в сфере труда и занятости, в том числе и по признаку возраста, обусловило резкое увеличение количества обращений в Суд ЕС в связи с дискриминацией по данному основанию. В период с 2005 по 2021 г. было рассмотрено 79 дел, связанных с толкованием положений Директивы, и больше половины из них, а именно 53 – в отношении запрета дискриминации по признаку возраста²².

Вопросы дискриминации по признаку возраста поднимались в связи с определением размера вознаграждения за труд или иных выплат, установлением минимального или максимального возраста для занятия определенными видами деятельности, заключением срочных трудовых договоров. Но наиболее чувствительной оказалась проблема автоматического прекращения трудовых отношений при достижении работником пенсионного возраста, широко распространенного в трудовом законодательстве государств – членов ЕС.

В большинстве случаев Суд ЕС занимает достаточно гибкую позицию и, признавая за государствами широкую свободу усмотрения при определении целей политики занятости и мер, обеспечивающих их достижение, не рассматривает как дискриминацию автоматическое прекращение трудовых отношений с пожилыми работниками при условии, что это допускается при достижении лицом пенсионного или более высокого установленного законодательством возраста, наличии гарантии финансового обеспечения в виде пенсии (независимо от уровня выплат) и сохранении возможности продолжать трудовую деятельность на иных условиях, в частности срочного договора. Исключения составляют случаи, когда в национальном или международном праве устанавливается иная, более высокая, возраст прекращения трудовых отношений, чем

¹⁴ См.: European Pillar of Social Rights // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019–2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights_en (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁵ См.: European Pillar of Social Rights Action Plan // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/european-pillar-social-rights-action-plan_en (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁶ См.: Directive (EU) 2019/1158 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on Work-life balance for parents and carers and repealing Council Directive 2010/18/EU // OJ. L 188. Vol. 62. 11 July 2019. P. 79–93.

¹⁷ См.: Directive (EU) 2019/1152 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on transparent and predictable working conditions in the European Union // OJ. L 186. Vol. 62. 11 July 2019. P. 105–211.

¹⁸ См.: European Commission. Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on the adequate minimum wages in the European Union. Brussels, 28 October 2020. COM(2020) 682 final. 2020/0310 (COD) // Eur-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0682&from=EN> (дата обращения: 21.06.2022).

¹⁹ См.: European Commission. Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. Brussels, 9 December 2021. COM(2021)762 final. 2021/0414 (COD) // Eur-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0762> (дата обращения: 21.06.2022).

²⁰ См.: Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ. C326. Vol. 55. 26 October 2012. P. 391–407.

²¹ См.: Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ. L 303. Vol. 43. 2 December 2000. P. 16–22.

²² Подсчитано докладчиком на основании сайта Суда ЕС (см.: URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?text=discrimination+on+grounds+of+age&redirection> (дата обращения: 03.07.2022)).

оспариваемый работником, а также, если нарушается принцип уважения законных ожиданий.

Представляется, что и Суд ЕС, и национальные суды государств-членов при рассмотрении дел о дискриминации по признаку возраста должны уделять больше внимания индивидуальной ситуации работников, если они хотят продолжать осуществление трудовой деятельности и после достижения пенсионного возраста.

Л.О. Гордейченко (МГИМО МИД России) отметила, что *основные права человека гарантируются многими международно-правовыми актами универсального и регионального уровня*. В Латинской Америке первой попыткой закрепить обязанности государств по обеспечению прав человека и установить наднациональный контроль за их соблюдением стало принятие Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г.²³ Созданные на ее основе Межамериканская комиссия и Межамериканский суд, рассматривая жалобы на нарушение Конвенции, способствуют утверждению в регионе культуры прав человека.

Установленные Американской конвенцией гарантии прав человека имеют свою специфику. Например, в отличие от Европейской конвенции, ст. 15 которой позволяет государствам-участникам в чрезвычайных ситуациях отступать от соблюдения обязательств, установленных ст. 3 Протокола № 1 (право на свободные выборы), право на участие в управлении государством, гарантированное ст. 23 Американской конвенции, включающее право голосовать и быть избранным и право на доступ к государственной службе, не подлежит дерогации в связи с введением чрезвычайного положения (ч. 2 ст. 27) и может быть ограничено только по основаниям возраста, гражданства, места жительства, языка, образования, дееспособности и осуждения за уголовное преступление (ч. 2 ст. 23).

Межамериканский суд испытывает проблемы с исполнением своих решений в основном из-за сопротивления национальных властей проведению законодательных реформ, необходимых для обеспечения прав человека. Однако его решения, как правило, успешно выполняются, когда к резонансным делам привлекается внимание общественного мнения.

С.А. Карпов (ИГП РАН) проанализировал *предложения о возможности возмездного отчуждения персональных данных и регулирования их обращения как товара*. Он подчеркнул, что защита персональных данных производна от права на неприкосновенность частной жизни, о чем свидетельствует история возникновения соответствующего законодательства в странах Европы и что подтверждается указанием на защиту права на неприкосновенность частной жизни как на его ключевую цель, в частности, в российском Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»²⁴ и в европейском Общем Регламенте № 2016/679 о защите персональных данных²⁵. По мнению докладчика, персональ-

ные данные должны полностью включаться в сферу частной жизни, особенно в свете широкого ее понимания правовой доктриной и судебной практикой в Европе. Право на неприкосновенность частной жизни (а через него и право на защиту персональных данных), в свою очередь, тесно связано со свободой и достоинством человека, что отмечалось еще в 1983 г. Федеральным конституционным судом Германии²⁶, разработавшим концепцию «информационного самоопределения», понимаемого как возможность «контроля» лица над своими данными, которая лежит в основе европейской системы их защиты.

Право на защиту персональных данных может ограничиваться в публичных интересах. Для обеспечения нормального функционирования экономической и административной системы граждане в некоторых случаях должны раскрывать персональные данные, но лишь в строго необходимом объеме. Поэтому вопрос о возмездном отчуждении может стоять лишь в отношении данных, предоставляемых сверх необходимого. Но сделки с персональными данными представляются противоречащими публичному порядку европейских стран.

Сложившаяся в настоящее время практика повсеместного и почти неограниченного сбора персональных данных с учетом роста социальной и политической активности ИТ-корпораций несет угрозу основным европейским конституционным ценностям, поскольку предполагает раскрытие и передачу персональных данных за пределами необходимого для нормального развития экономических и социальных отношений.

Предметом внимания участников конференции были *современные конституционные реформы*.

По мнению **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловской (Белорусский государственный университет)**, в европейских странах отмечается достаточно высокая динамика конституционных преобразований, что может свидетельствовать о постоянном характере данных процессов. К перспективным направлениям конституционной модернизации следует отнести усиление контроля народа как источника власти за деятельностью государственных органов, а также ответственности государственных органов и высших должностных лиц, что будет способствовать укреплению доверия граждан к власти. Можно отметить также усиление демократических начал государственности и роли институтов гражданского общества в управлении государством, появление новых способов выражения общественного мнения, что позволяет укреплять прямые и обратные связи между управляемыми и управляющими.

Основные тенденции «обновления» конституционализма в странах Центральной и Восточной Европы проследила **канд. юрид. наук И.П. Кененова (МГУ им. М.В. Ломоносова)**. Идеологические постулаты движения к «новому конституционализму» были выдвинуты премьер-министром Венгрии В. Орбаном в 2014 г.: «восточноевропейский» подход к организации публичной власти базируется на идее сильного государства, слабой оппозиции и номинальности

free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ. L 119. Vol. 59. 4 May 2016. P. 1–88.

²⁶ См.: Bundesverfassungsgericht. 1 BvR209/83. Urteil des Ersten Senats vom 15. Dezember 1983. Para. 148 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html (дата обращения: 17.07.2022).

²³ См.: American Convention on Human Rights (“Pact of San Jose”) B-32. Adopted at the Inter-American Specialized Conference on Human Rights, San José, Costa Rica, 22 November 1969 // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume-1144/volume-1144-i-17955-english.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).

²⁴ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

²⁵ См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the

сдержек и противовесов. Исходя из тех же ориентиров, но используя несколько иную риторику, осуществляют формирование «своего» конституционализма и другие лидеры стран Вишеградской группы. Для «нового» конституционализма характерны персонализация власти; расширение контроля правительственных структур за другими ветвями власти и институтами гражданского общества, включая средства массовой информации; ограничение деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества внеконституционными и псевдоконституционными средствами; легитимация авторитарных практик осуществления публичной власти.

О конституционных реформах в Казахстане рассказала **PhD Н. Саулен (Институт парламентаризма, Казахстан)**. Она отметила, что Конституция Республики Казахстан, принятая 27 лет назад, является ядром национальной политико-правовой системы, юридической основой государственности и суверенитета страны. Благодаря строгому следованию Конституции Казахстан за короткий по историческим меркам период не только состоялся как суверенное государство, но и развивается, успешно противостоя различным, в том числе глобальным, вызовам.

При этом в Конституцию РК вносятся необходимые изменения в соответствии с современными потребностями общества и международными тенденциями, обеспечивая должный уровень конституционализации общественных отношений. На республиканском референдуме 5 июня 2022 г. в Конституцию РК были внесены поправки, которые вступили в силу 8 июня 2022 г. Новым содержанием были наполнены многие положения преамбулы Конституции, ст. 1, характеризующей республику как демократическое, светское, правовое и социальное государство, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

Основные изменения были связаны с отменой смертной казни; исключением из полномочий президента права приостанавливать и отменять акты акимов областей и городов республиканского значения, а также освобождать от должностей районных и нижестоящих акимов; формированием мажилиса парламента по смешанной системе с избранием 70% депутатов на пропорциональной и 30% — на мажоритарной основе; упразднением квоты Ассамблеи народа Казахстана в мажилисе парламента; сокращением президентской квоты в Сенате парламента с 15 до 10 депутатов; введением специализации палат парламента — наделением мажилиса правом принятия законов, а Сената — правом их одобрения или неодобрения; созданием Конституционного суда (вместо Конституционного совета) и предоставлением возможности обращения в него гражданам, Генеральному прокурору и Уполномоченному по правам человека; преобразованием Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета в Высшую аудиторскую палату.

Ряд докладов был посвящен *проблемам осуществления конституционного контроля*.

В науке конституционного права, отметил **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)**, традиционно выделяют две модели конституционной юстиции, условно называемые американской и европейской. Данная классификация возникла достаточно давно и считается общепризнанной. В целом можно согласиться с тем, что она отражает институциональные особенности организации конституционного контроля в современном мире. Вместе с тем эволюция данного института в последние несколько десятилетий привела к тому, что в отдельных странах сложились формы

осуществления конституционного правосудия, не укладывающиеся в эту классификацию. Например, в Португалии конституционный контроль сочетает элементы европейской и американской моделей. В Греции в 2001 г. создан Высший специальный суд, являющийся учреждением *ad hoc* и выполняющий в том числе функции конституционного контроля. Но при этом суды общей юрисдикции любого уровня и любой инстанции также вправе разрешать вопрос о конституционности законов. В Ирландии с 2013 г. допускается обжалование решений Высшего суда относительно конституционности законов. Очевидно, что во многих государствах конституционный контроль в той или иной мере сочетает признаки обеих традиционных моделей. Однако отнести их к третьей, «смешанной» модели представляется методологически неверным, поскольку для научной классификации значимо не отсутствие, а наличие у соответствующего института каких-либо общих признаков. Представляется, что существующая классификация моделей конституционной юстиции нуждается в переосмыслении.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламовой (ИГП РАН)** было обращено внимание на то, что *европейская модель конституционного контроля переживает серьезные трансформации под влиянием европейской интеграции*. К характерным чертам европейской модели принято относить иерархическую организацию правовой системы и придание в ней конституции высшей юридической силы; централизацию контроля за конституционностью, т.е. предоставление исключительной компетенции в этой сфере специальному органу, как правило, конституционному суду; изъятие из правовой системы норм, признанных неконституционными (объявление их недействующими). Сегодня все эти признаки подвергаются существенной эрозии. Подавляющее большинство европейских стран являются членами Европейского Союза и / или участниками Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁷, в связи с чем их правовые системы оказываются включенными в соответствующие наднациональные правовые порядки, которые носят многоуровневый и гетерархический характер. Национальные конституции перестают быть единственным и неоспоримым эталоном конституционного контроля, наряду с ними в качестве такового начинают выступать учредительные акты ЕС и Европейская конвенция. Одновременно конституционные суды во многом утрачивают свое уникальное положение органов, принимающих окончательные решения о конституционности, разделяя эти полномочия с наднациональными судебными инстанциями, решения которых не всегда согласуются с позициями конституционных судов и положениями национальных конституций. Национальные суды общей и специальной юрисдикции могут отказаться от применения отдельных законодательных положений, если они противоречат праву Конвенции или праву ЕС (в последнем случае это является их обязанностью), тоже осуществляя таким образом своеобразный конституционный контроль. Вместе с тем их решения не обладают эффектом *erga omnes*, т.е. отвергнутые ими нормы остаются в правовой системе страны и могут быть применены иными судами.

Может показаться, что современные интеграционные процессы во многом нивелируют роль конституционного контроля, превращая его из инструмента защиты конституции и обеспечения согласованности правового регулирования в поле соперничества между различными судебными органами, иногда доходящего до конфронтации.

²⁷ См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 161.

Для реализации потенциала института конституционного контроля в условиях многоуровневого конституционализма необходимо отказаться от позитивистского, сугубо формального его понимания; правовая определенность и когерентность правопорядка могут обеспечиваться только путем достижения в рамках различных юрисдикций согласованных представлений о содержании базовых конституционных принципов (которые и выступают подлинным эталоном конституционности) и общих параметров их допустимых позитивно-правовых конкретизаций в различных правопорядках.

По мнению **канд. юрид. наук Н.С. Малютина (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИЗиСП при Правительстве РФ)**, *универсальный подход к пониманию конституционализма вызывает определенные сомнения, поскольку фактически «универсальность» обычно увязывается с наличием у конституционализма отдельных национальных (или региональных) характеристик.* На самом деле конституционализм как универсальное явление не может в полной мере освободиться от национальной специфики, предопределяемой социальной природой права. Особая роль в выработке теоретико-методологических подходов к национальному наполнению содержания конституционализма принадлежит органам конституционного контроля. При этом крайне важно, чтобы формулируемые ими позиции получали достаточное аналитическое обоснование, что предполагает необходимость экспертного обеспечения деятельности конституционных судов, а также создание методик консолидации и систематизации их правовых позиций в целях выработки стратегии развития законодательства в контексте базовых установок национального конституционализма.

Использование в испанском законодательстве идей Г. Кельзена и К. Шмитта о гаранте конституции, получивших известность в стране в начале 1930-х годов, проанализировала канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ). В двух испанских моделях гаранта конституции, реализованных в Конституции 1931 г. и Органическом законе государства № 1 от 10 января 1967 г., он был призван обеспечивать не только соответствие законодательства конституции, но и стабильность государственного строя в целом.

В республиканской Испании была реципирована австрийская модель конституционного суда, «дизайнером» которого являлся Г. Кельзен. Однако учредительные кортесы, вводя Суд конституционных гарантий как централизованный специализированный орган конституционной юстиции, не копировали австрийский образец. С учетом опыта других стран, включая практику Верховного суда США, и национальной конкретно-исторической политической ситуации они проявили самостоятельность при определении правил его формирования, компетенции, процессуальных аспектов деятельности, юридических последствий принятия им решений (ст. 121–124 Конституции Испании 1931 г.). Из Конституции Германской империи 1919 г. испанские учредители заимствовали «резервные» полномочия президента – право принимать неотложные меры, необходимые для обеспечения целостности или безопасности нации, представляя незамедлительно отчет об этом кортесам (п. “d” ч. 1 ст. 76 Конституции 1931 г.). Данное полномочие очевидно базировалось на положениях ст. 48 Конституции Германии 1919 г., явившейся формально-юридической опорой тезиса К. Шмитта о президенте как гаранте Конституции. Однако сама эта концепция в республиканской Испании заимствована не была.

Органический закон государства № 1 от 10 января 1967 г. воплощал идеи К. Шмитта. Глава государства, должность которого в 1939–1975 гг. занимал Ф. Франко, был признан гарантом государственного строя: на него возлагалось обеспечение точного соблюдения Основных законов Королевства (ст. 6). Он мог принимать чрезвычайные меры в случае серьезной и непосредственной угрозы внешней безопасности, независимости нации, целостности территории или институциональной системе Королевства, направляя документальный отчет кортесам (п. “d” ст. 10), а также решения о противоправности законодательного акта или общего постановления правительства, противоречащего Принципам Национального движения 1958 г. или иным Основным законам Королевства (ст. 59–66). Данная модель, созданная для конкретного правителя при франкистском режиме, утратила свою актуальность после его кончины. При разработке Конституции 1978 г. вновь обратились к идее учреждения Конституционного суда.

Участники конференции обсудили *специфику развития конституционных институтов в отдельных странах.*

Особенностям конституционного регулирования прав и свобод человека в государствах Северной Европы был посвящен доклад **канд. юрид. наук, доц. И.А. Ракитской (МГИМО МИД России)**. Она отметила, что правовое регулирование прав и свобод человека имеет в Скандинавии давнюю историю. Свобода высказываний, свобода средств массовой информации, доступ к общественно значимой информации и документам, а также институт омбудсмана, впервые закрепленные в учредительных актах стран этого региона, впоследствии были восприняты конституционными системами многих современных государств. Изначальный смысл конституционного признания прав и свобод заключался в необходимости ограничения государственной власти и предотвращения тирании.

Вместе с тем в учредительных актах стран Северной Европы институт прав и свобод человека и гражданина закрепляется весьма лапидарно (по сравнению с другими западноевропейскими конституциями – Германии, Испании, Италии, Франции, Португалии). Лишь с течением времени данному институту стало уделяться особое внимание и отводиться больше места в конституционных текстах. Конституция Исландии 1944 г. была дополнена каталогом основных прав только в 1995 г. В Финляндии полноценная глава о правах и свободах человека и гражданина была включена в Конституцию 1999 г., которая заменила действовавшие ранее четыре отдельных основных закона.

Во многих странах институт прав и свобод человека претерпевал существенные изменения в процессе конституционных реформ. Так, в Швеции соответствующие реформы проводились в 1979, 1994, 2010 гг. Последние изменения были связаны с защитой тайны частной жизни, запретом дискриминации на основании сексуальной ориентации, предоставлением дополнительных гарантий прав саамов, укреплением права этнических, языковых и религиозных меньшинств на сохранение их культуры и самобытности. В Норвегии в 1999 г. был принят специальный Закон об усилении роли норм о правах и свободах в норвежском законодательстве. Он придал юридическую силу национальных законов Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.²⁸, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах

²⁸ См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

от 16 декабря 1966 г.²⁹, Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.³⁰ В 2014 г. в норвежскую Конституцию была включена специальная гл. Е, посвященная правам человека.

С середины 1980-х годов в североευропейском конституционализме наметился отход от жесткой доктрины суверенитета парламента, законодательство стало предметом контроля со стороны национальных судов и наднациональных институтов, прежде всего Европейского Суда по правам человека. Европейская конвенция была инкорпорирована во внутреннее право государств Северной Европы. Дальше всех пошла Швеция: в 2010 г. в Акте о форме правления было установлено, что не может быть принят никакой закон или иной акт, противоречащий обязательствам Швеции по Европейской конвенции (§ 19 гл. 2). Во всех североευропейских странах суды ссылаются на положения Европейской конвенции чаще, чем на соответствующие конституционные нормы. Это объясняется наличием богатой прецедентной практики Европейского Суда, разъясняющей содержание конкретных прав и свобод, которые становятся предметом судебного рассмотрения.

Одним из основополагающих устоев конституционализма является обеспечение прав человека, подчеркнул д-р юрид. наук, проф. Е. Я. Павлов (МГИМО МИД России). Их необоснованные ограничения могут свидетельствовать о кризисе конституционализма. Так, например, в Чешской Республике 25 февраля 2022 г. правительство приняло постановление «О гибридном воздействии в ущерб интересам Чешской Республики в связи с военной операцией, проводимой Российской Федерацией на Украине»³¹, которым фактически вводилась цензура в отношении всей информации, объективно отражающей ситуацию в мире и проводимую Россией специальную операцию. Данное постановление нарушает Хартию основных прав и свобод, являющуюся неотъемлемой составной частью Конституции Чешской Республики, в частности ч. 4 ст. 17. По мнению докладчика, членство страны в ЕС и НАТО и интенсивная «вестернизация» ее внутренней и внешней политики ведет к деградации конституционализма, подмене его правовой основы правилами, устанавливаемыми в целях реализации политической линии данных организаций, которые вступают в противоречие с правами человека, гарантированными Конституцией.

Д. Б. Калиш (Главный радиочастотный центр) акцентировала внимание на специфике понимания конституционности и способов ее обеспечения в современной Франции. Эталоном для конституционного контроля во Франции выступает не только сам текст Конституции 1958 г., но и т.н. конституционный блок, в который входят Декларация прав человека и гражданина 1789 г., преамбула Конституции 1946 г., Хартия окружающей среды 2004 г. и в широком смысле — все конституционные принципы, которые могут следовать из содержания этих актов, и принципы, которым Конституционный совет придает конституционное значение.

Еще один специфический аспект конституционности закона заключается в том, что он не должен вторгаться в сферу регламентарной власти, поскольку для Франции характерно разграничение сфер регулирования закона и регламента. В этой связи Конституция V Республики предоставляет правительству возможность посредством введения специальных

процедур обеспечить защиту сферы регламентарной власти от вмешательства законодателя.

Последующий конституционный контроль во Франции был введен только в ходе конституционной реформы 2008 года. Он оказался весьма востребованным, и в настоящее время большинство решений Конституционного совета выносятся именно в рамках последующего контроля. Помимо этого, при осуществлении предварительного факультативного контроля Конституционный совет стал воздерживаться от рассмотрения оспариваемого закона, если в ходе парламентских слушаний не указывались конкретные основания для признания его неконституционным.

Свои особенности имеет и обеспечение во Франции ответственности законов международным обязательствам страны и праву ЕС. Так, хотя Конституция 1958 г. придает международным договорам и соглашениям приоритет по отношению к национальным законам, она не предполагает, что соблюдение этого принципа должно обеспечиваться в рамках конституционного контроля. Имплементация права ЕС во внутреннее право Франции представляет собой конституционное требование. Несоответствие положений французских законодательных актов праву ЕС влечет за собой их неприменение на практике, поскольку они не удовлетворяют предъявляемому к закону требованию соответствия Конституции.

Влияние традиций европейского конституционализма на становление конституционной системы Австралийского Союза рассмотрела канд. юрид. наук **Е. А. Войтович (МГИМО МИД России)**. Основы конституционализма на Австралийском континенте были заложены Великобританией еще в колониальный период. Британские подданные начали заселять континент с 1788 г., когда было основано первое ссыльное поселение Новый Южный Уэльс, где применялось британское право. Приезд новых свободных поселенцев стимулировал политическое развитие колоний, в них стали формироваться органы власти, зарождаться собственная, отличная от британской, конституционная идентичность. 9 июля 1900 г. Королева Виктория утвердила статут, содержащий текст Конституции Австралийского Союза. Колонии отвергли республиканскую форму правления и предпочли сохранить связь с Великобританией, провозгласив британского монарха главой государства. При этом была выбрана федеративная форма территориального устройства, в этом отношении на развитие Австралийского Союза значительное влияние оказал опыт США.

С точки зрения **Ле Хуинь Дыка (РАНХиГС при Президенте РФ)**, *мировая наука вступает в новый период, характеризующийся деколонизацией гуманитарного знания, отходом от европоцентризма и развитием цивилизационного подхода.* Конституционализм, демократия, права человека, верховенство права — доктрины, возникшие в рамках европейской традиции и привнесенные в Восточную Азию в период колонизации. Концепция конституционализма была заимствована местными элитами как инструмент обретения независимости. После ее провозглашения эта концепция активно использовалась в качестве основы для построения современной государственности. В странах Восточной Азии существуют различные версии конституционализма, наиболее типичными из них являются две — социалистический (Вьетнам и Китай) и прозападный (Южная Корея и Япония) конституционализм. Существует множество факторов, неблагоприятных для развития конституционализма в Восточной Азии: иерархическое общество, централизация власти, приоритет политики над правом, коллективизм и т.д. В современном

²⁹ См.: там же.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³¹ См.: Usnesení Vlády ČR ze dne 25 února 2022 č. 127.

мире проявляются различные тенденции. Мир становится справедливее и разнообразнее. И чем активнее идут процессы универсализации, тем более важное значение приобретает идентичность как основная ценность каждого общества, региона и народа.

Нгуен Шон Нам (РУДН) рассмотрел *влияние европейского конституционализма на конституции Вьетнама*. Европейские конституционные идеи стали проникать в страну в колониальный период (1862–1945 гг.). Франция управляла колониями, не основываясь на принципах конституционализма, что позволяло лишать народы свободы и демократических прав, а также эффективно осуществлять их эксплуатацию. Однако многие вьетнамские патриоты, знавшие французский язык, в том числе первый президент Вьетнама Хо Ши Мин (1890–1969), изучали работы, посвященные конституционализму, и понимали необходимость его внедрения во Вьетнаме. В 1919 г. на Парижской мирной конференции они представили правительству Франции «Претензии аннамского народа» (“Revendications du peuple annamite”), где выдвинули требования «реформировать судебную систему Индокитая и предоставить его гражданам судебные гарантии, которыми пользуются европейцы» (ст. 2), «заменить режим произвольных указов режимом закона» (ст. 7).

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

В 1945 г. под руководством Хо Ши Мина Вьетнам обрел независимость. Первая Конституция страны была принята 9 ноября 1946 г. и отражала дух европейского конституционализма и марксизма-ленинизма. В период 1955–1975 гг. страна была разделена на два государства из-за интервенции США. Американский конституционализм оказал сильное влияние на конституции Южного Вьетнама, особенно на Конституцию, принятую 18 марта 1967 г. А в Северном Вьетнаме с принятием 31 декабря 1959 г. Конституции идеи европейского конституционализма были отвергнуты. С 1975 г. объединенный Вьетнам вступил на социалистический путь развития. Марксистско-ленинские по своему духу конституции были соответственно приняты в 1980 и 1992 гг. Однако некоторые ценности европейского конституционализма были интегрированы в действующую конституцию Вьетнама посредством поправок, принятых 28 ноября 2013 г. Так, впервые в конституционной истории Вьетнама в тексте Конституции появилось положение об укреплении независимости судебной власти и механизме защиты конституции. Эти новации есть результат реализации, начиная с 1986 г., политики «обновления» (“Đổi mới”), в рамках которой происходит как защита избранного Вьетнамом направления социалистического развития, так и восприятие ценностей глобальной цивилизации.

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. — PhD in Law, associate Professor, leading researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, associate Professor, chief researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia